

Толкование на Псалом 125-й блаженный Аврелий Августин

Предисловие

Предлагаемый перевод толкования Блаженного Августина на Псалом 125, один из Песней восхождения, – не первое экзегетическое произведение выдающегося учителя Церкви на страницах журнала “Альфа и Омега”. В № 1(8) был представлен перевод ряда пасхальных проповедей Августина, связанных с огласительной практикой. Некоторые из них, например, “О молитве Господней”, можно отнести и к жанру толковательной проповеди. В истории библейской экзегезы блаженный Августин занимает видное место как плодовитый автор толковательных произведений, а также как теоретик толкования, обобщивший герменевтический опыт нескольких поколений христианских писателей. Теория и практика изъяснения Писания нашла отражение в целом ряде его трудов разных периодов¹: *О Книге Бытия против манихеев*, *Об учителе*, *корпус Толкований на Псалмы*, *О Книге Бытия буквально (неоконченная книга)*, *О Нагорной проповеди Господа*, *Разъяснение некоторых положений из Послания к Римлянам*, *Неоконченное разъяснение Послания к Римлянам*, *Разъяснение Послания к Галатам*, *О христианской науке*², *Заметки на Книгу Иова*, *О согласии евангелистов*, *Об обучении оглашенных*, *О Книге Бытия буквально (12 книг)*, *О Духе и букве*, *О граде Божием*, *Рассуждение на Евангелие от Иоанна*, *Рассуждение на Послание Иоанна к Парфянам*, *Беседы на Семикнижие*, *Разыскания на Семикнижие*, а также в других трудах, письмах и проповедях.

Развитие взглядов блаженного Августина на Писание и его им осмысление, особенности его экзегетико-проповеднической практики, его представления о каноне и текстологические предпочтения кратко и достоверно описаны в содержательной статье Дж. Боннера “Августин как исследователь Библии” – главе из “Кембриджской истории Библии”³. Эта статья способна стать хорошим введением в проблемы Августиновой экзегезы. На русском языке частичное обсуждение этого круга вопросов можно найти в известной книге В. В. Бычкова “Эстетика Аврелия Августина”, особенно в главе IX (“Знак”)⁴. Эти же труды помогут сориентироваться в библиографии.

Толкование на Псалом 125 принадлежит к серии экзегетических проповедей на тему псалмов с надписаниями “Песнь восхождения”. Эти проповеди блаженный Августин произнес, вероятно, в конце 412 г.⁵ в Карфагене⁶. К этому времени уже выработался его метод трактовки библейских текстов в рамках толковательной проповеди, и данный

образец такой трактовки вполне характерен. На этом примере можно наблюдать многие особенности, свойственные корпусу “Толкований на Псалмы” в целом: господство аллегорических (в частности, типологических) объяснений⁷, стремление расслышать в псалмах указание пути внутреннего совершенствования христианина, христоцентричность толкования и связанность изъяснительной проповеди с нуждами пастырского назидания Церкви, а также некоторые “технические” стороны изъяснения: использование текста Италы, отличное знание Псалтири наизусть и умение вовремя привести нужную цитату и другие.

Ниже мы постараемся отметить некоторые черты образности данного толкования, связанные с общими особенностями толковательного метода, иными словами, интерпретативную силу образов в проповеди.

Образ восхождения. В современной библеистике считается вероятным, что группа Псалмов с надписанием “Песнь восхождения” (евр. *šir hamma^{ca}lot*, греч. *tds ὑψανακμον*, лат., по Итале и Вульгате, *canticum graduum*, буквально «Песнь ступеней»), именно, Псалмы 119–133, составляла особое собрание молебных песней для иудеев, путешествующих в Иерусалим, чтобы участвовать в общенародных религиозных празднествах⁸; соответственно надписание предлагается переводить как «Песнь паломничества». Это хорошо согласуется с внутренним показанием некоторых мест данных Псалмов, которые как бы передают устремленность взгляда на Сион, «куда восходят колена Израилевы» (121:1–4; 124:1–5; 128:5; 133:1–3). Слову *восходят* в еврейском тексте соответствует, кстати, форма глагола «lh, от которого производным и является *ma^{ca}lah* надписаний, переводимое как «ступени» по-латыни, но означающее также «восхождение, возвращение (на родину)».

В период расцвета святоотеческой письменности многие толкователи считали, что “восхождение” в заголовках этих Псалмов относится к возвращению иудеев из вавилонского плена (святитель Афанасий Александрийский, блаженный Феодорит Киррский и другие). Именно словом *ὑψανακμον* названо возвращение иудеев на родину в 1-й книге Ездры (7:9). Хотя современные исследователи не поддерживают этого мнения⁹, блаженный Августин считал именно так. Для него историческая подоплека “Песней восхождения” – возвращение иудеев из плена: это ясно из параграфа 3 нашего толкования. Впрочем, это первое открытое упоминание данного исторического материала в толкованиях на Песни восхождения (а ведь это уже шестое из толкований, и произносились они по порядку); и это понятно: для блаженного Августина большой интерес

представляло типологическое осмысление данного исторического события, чем оно само. Это осмысление достаточно полно описано во вступлении к данному толкованию (§§ 1, 2), и читатель обнаружит, что развитие темы восхождения из Вавилона в Иерусалим в толкованиях на Песни восхождения подготавливает развертывание темы двух градусов в книге более позднего периода “О граде Божиим”¹⁰. Вообще же мотив, или скорее даже “сюжет” восхождения – магистральная тема августиновской мысли. Во всей морально-философской сложности она рассмотрена и систематизирована в большой монографии Л. Виттманна “Ascensus. Восхождение к трансцендентности...”¹¹. Для общего очерка вопроса приведем здесь часть вступления к этой книге, где автор кратко излагает суть исследования:

“Восхождение в трансцендентность, как его понимает Августин, – есть нечто существенно большее, чем процесс теоретического познания, рационально-философское открытие новых ступеней действительности и их взаимоотношений, начиная с самых нижних и простейших уровней и далее вверх вплоть до высочайшего и всеобъемлющего – божественного бытия. Это скорее экзистенциальное движение, самораскрытие всего человека, восхождение в любви, которое основывается на упорядочении склонностей, когда человек учится любить предметы правильным образом, соответственно их ценности, и ищет своего спасения только в том, что существует поистине – в божественном бытии.

Только в этом экзистенциальном восхождении, в обращении к Трансцендентному в любви достигает человек действительного богопознания, насколько это вообще возможно в настоящей жизни ... Кто стремится охватить Бога одной только мыслью, без того чтобы ориентировать себя на Его образ существования, никогда не постигнет, что есть Бог ... Только когда человек, преодолевая свои земные склонности, подвигает себя на трансцендирующий способ существования ... Бог начинает ему открываться. Тогда человек начинает внутренне исполняться Его ... осознает Его непосредственно как свое блаженство (*beatitudo*), как свою подлинную основу. Чем больше и чище становится его любовь к Богу, тем больше удастся ему отрешиться от земного и превзойти временное, тем ближе подходит он к божественному бытию ... Доведение его познания до полноты осуществляется в вечном боговидении в будущей жизни”.

Конечно, это самая общая схема восхождения; конкретное воплощение этих представлений в толкованиях на Псалмы 119–133 не столь всеобъемлюще, более частно. Но система пространственных

отношений, через которые описывается ценностный мир, примерно та же.

То, что язык пространственных отношений – одно из основных средств освоения действительности, что религиозно-нравственные модели мира оказываются неизменно наделенными пространственными характеристиками – давно отмечено и продемонстрировано на многих семиотических системах¹². В данном случае пространственная модель мира, точнее – картина морального пространства в проповеднических устах Августина несет дополнительную семиотическую нагрузку – служит основой интерпретации толкуемого текста.

Эта картина выстраивается при помощи целого набора выразительных средств, главное из которых – слова пространственного значения с переносным значением сферы нравственности. Вот примеры такой лексики по совокупности толкований на Песни восхождения:

caelum – небо, небесная родина, Царство Небесное, высота боговидения, все божественное;

altitudo, celsitudo – высота, высокая жизнь, совершенство, божественное достоинство Сына;

ascendere – восходить, совершенствоваться в любви и боговидении;

descendere – нисходить, опускаться, терять в достоинстве и праведности жизни; о Христе – снисходить к человечеству в воплощении; о святых – снисходить к возможностям понимания “младенцев”;

humilitas – низкое положение в пространстве, унижение, смирение; иногда: низость плотской жизни.

Также: cadere (падать, грешить), aberrare (блуждать, заблуждаться).

При этом, хотя проповедник часто подчеркивает именно нефизическую сторону физических обозначений, синкретизм того и другого в данных лексических единицах столь ощутим, что делает их удобными “проводниками”, облегчающими переход из нравственной сферы в пространственную и наоборот. Такая метафоричность выражения неизбежна в разговоре о невидимом духовном и внутреннем мире¹³; впрочем, она не только неизбежна, но и предоставляет толкователю некоторые удобства. Коль скоро морально-аллегорическая модель мира выстроена (чаще всего автор выстраивает ее подробно или намечает несколькими чертами в начале изъяснения, как в данном случае), любой пространственный образ толкуемого Псалма может найти свое место в этой картине и получить соответственное моральное объяснение. Так, скажем, происходит с выражением Пс 129:1: “Из глубины я воззвал к Тебе, Господи”¹⁴, где глубина сразу отождествляется с “нижним планом” данной картины мира, с состоянием погруженности души в “сию

смертную жизнь”. Еще легче моральная расшифровка образов пространственных, когда они составляют часть типологически осмысленной образной картины, как это можно наблюдать в § 3 данного изъяснения.

Пожалуй, одна из главных задач проповедника при выстраивании этой пространственно-ценностной картины – дать слушателям ощущение присутствия внутри этой системы, внутри так осмысленного мира, определить свое местоположение в таком пространстве, почувствовать необходимость восхождения, указать его пути. Один из способов такой подачи картины восхождения, преподнесения и усвоения ее слушателям обнаруживается в просопологическом комментировании Псалма, то есть в пояснении, от чьего лица идет речь в высказываниях Псалма. Вопрос этот многогранен и достаточно полно рассмотрен в упоминавшейся книге Рондо¹⁵. Применительно же к нашему сто двадцать пятому Псалму достаточно будет сказать, что “мы”¹⁶ этого псалма – это “мы” Церкви в ее исторической совокупности, точнее, в ее надысторическом единстве, те люди, над которыми совершается спасение. Собственно просопологический комментарий в явном виде присутствует во втором предложении толкования: “А это, как вы знаете, глас восходящих, именно, восходящих в Иерусалим, мать нашу, которая на небесах”. И уже в этом предложении присутствует элемент того, что можно было бы назвать просопологическим адресованием: Иерусалим назван матерью **нашей** (-моей и вашей пастыря и паствы церковного единства данной общины). Именно это установление связи просопологического комментария с просопологическим адресованием, или, проще говоря, отождествление “мы” восходящих с “мы” слушателей, обеспечивает ощущение включенности последних в морально-аллегорическое пространство, выстроенное на основе текста данного Псалма. Проповедник может, конечно, вследствие своего учительского положения условно отстраниться от паствы, и тогда такое “мы” превращается в “вы” (“этим Псалмом мы больше всего хотели побудить **вас** к делам милосердия, потому что отсюда нужно восходить, и **вы** видите, что песнь ступеней поет восходящий” (§ 15)) или обобщенно-личное “ты” (**рассмотри**, чем беден человек: может, **ты** богат тем, чем он беден” (§ 13)). Как бы то ни было, моральные задачи, стоящие перед “восходящим” героем Псалма, выставлены как актуальные и для слушателя.

Поэтому можно назвать характерным последнее предложение толкования; здесь тождественность восходящих и слушателей явлена с очевидностью: последние мыслятся и призваны мыслить себя в

пространстве духовного восхождения: “Все это произошло: раз мы спустились и были ранены, давайте восходить, петь и продвигаться вперед, к цели”¹⁷.

Трансформация частного толкуемого образа. Рассмотрим изъяснение стиха 2 Псалма 125 в §§ 5–8 толкования. Слова “Тогда наполнились уста наши радостью...” не звучат для латинского уха как метафора выражения радости¹⁸. Этим блаженный Августин пользуется для того, чтобы оттолкнуться от буквального смысла и дать осмыслению метафоры духовное направление. Рассматривая это выражение в контексте евангельской образности уст, сердца, чистого и нечистого, он заключает, что речь здесь идет о **внутренних** устах, “устах сердца”, они-то и наполняются радостью, когда человеку радостно, они говорят, когда человек думает о чем-то, что-то замышляет¹⁹, и за чистотой этих уст надо следить, чтобы наполняющая их радость была чистой, то есть не о мирском, чтобы не исходили оттуда злые помышления. Метафора, которая вполне могла бы передавать и внешнее проявление радости, поставлена под такой угол зрения, что удобно понимать ее именно как метафору внутренней радости, радости, отраженной на внутренних устах, “сердечных устах”.

Это еще один пример того, как из Псалма извлекается нравственный смысл и адресуется слушателям, актуализуется для них.

Привлекают внимание две особенности данного образно-логического построения.

Во-первых, заметно, что внешняя радость на устах не устраивает толкователя даже в качестве символа внутренней радости, она совсем не входит в его рассмотрение. В качестве такого символа ему подходит радость сердечных, внутренних уст. Этот образ можно сопоставить с другими метафорами из серии метафор внутреннего человека, при помощи которых блаженный Августин имел обыкновение обозначать и описывать внутренний мир человека. К. Андо демонстрировал примеры неудачи такого рода средств выражения²⁰, и надо думать, такая неудача неизбежна при чрезмерном расширении образных соответствий, то есть при стремлении найти все новые и новые соответствия между двумя планами, привлекаемыми в создании образа. Но в данном случае символика сердца как носителя душевных сил развивается органично и вполне соответственно ранее применявшимся образам. В “Исповеди” говорилось об “ушах сердца” (сила души, воспринимающая божественный глас), о “руке сердца” (сила, способная “отвести от лица памяти” ненужные предметы)²¹; в более позднем, чем толкования на данный

Псалом, “Рассуждении на Послание Иоанна к Парфянам”²² есть высказывание о том, что слово видно только для сердца²³.

Поэтому только естественно, что свойство открытости души Богу и явности ее помыслов для Него (характерно выражение *conscientia patet*, § 8) может быть у блаженного Августина названо устами сердца.

В такого рода метафорах усматривают потерю правдоподобия и сообразности²⁴, но, кажется, в данном случае важнее отметить систематическую и последовательную разработку метафорического топоса.

Второе, что следует отметить по поводу данного места (§§ 5–8) – некоторая кажущаяся дерзость, с которой толкователь вписывает в свою метафорическую систему евангельское выражение: “Не то, что входит в уста, сквернит человека, но что исходит...” (ср. Мф 15:11). Кажется очевидным, что под исходящим из уст подразумевается в этом выражении речь, слова: слова исходят из уст и сквернят человека, и имеются здесь в виду уста телесные, говорящие вслух и при этом свидетельствующие о внутреннем расположении человека. Блаженный Августин же, опираясь на параллельное место из Мк 7:15–23 (“Из сердца исходят помышления злые...”²⁵) и на приточный пример (вор молчит от страха во время воровства, но это не делает его чистым), умело и труднооспоримо показывает, что речь идет о внутренних, сердечных устах. Разница между непосредственным и Августиновым пониманием евангельских слов такова: буквально, видимо, говорится о словах, исходящих из телесных уст и свидетельствующих о внутренней скверне душевного устройства и нечистоте помыслов, Августин же понимает под словами, исходящими из уст (сердечных, в этом случае), сами эти помыслы с их очевидностью для Бога, при внешнем даже молчании. Против этого восстанет защитник буквализма в экзегезе, но существенно именно то, что и при более буквальном, и при Августиновом понимании утверждается необходимость внутренней чистоты и доброго устройства души. А умение изящно сцепить образы параллельных мест и связать их с системой выработанных метафорических приемов свидетельствует о поэтическом мастерстве автора и устойчивости художественной системы²⁶.

Итак, пример показывает, как разрабатывается образ Псалма. Для его осмысления толкователь включает его в контекст устойчивых и разработанных образных систем, собственных (антропоморфное сердце и его органы как обозначения душевных сил и свойств) и евангельских, причем даже выразительный план спиритуализуется, “заглубляется”. Добытый таким способом смысл преподносится слушателю в конечном

счете в виде прямой нравственной рекомендации: “Поэтому, братья, думайте, что у вас во внутренних устах...” и далее (§ 8).

Образ-пример. С замечательной характерностью выразилось стремление автора максимально приблизить смысл стиха к умам и сердцам слушателей в отступлении о милостыне по ходу изъяснения стиха 5: “Идущие шли и плакали, бросая семена свои” (§§ 11–13). Сеемые в слезах семена этого стиха толкуются как добрые дела, дела милосердия, милостыня, и плоды этого сеяния пожнуты в вечной жизни. Чтобы показать, что сила добрых дел не зависит от материальной стоимости даяний, а заключается в благой воле помочь нуждающемуся (“Мир на земле людям доброй воли”²⁷ – лейтмотив этого места), проповедник приводит примеры благотворения в порядке убывания денежной стоимости даяния, отмечая, что истинная ценность даяния не уменьшается при наличии доброй воли помочь всем, чем возможно:

№ 1 (§ 11) – Закхей отдает нищим половину достояния, а другую назначает для возмещения ущерба обиженным;

№ 2 (§ 11) – вдова отдает последние две лепты в храм;

№ 3 (§ 12) – кто поднесет чашу холодной воды ученику, не потеряет награды своей²⁸;

№ 4а (§ 12) – нищие могут оказывать милосердие друг другу даже ничего не давая, но служа в телесной немощи или увечьи;

№ 4б (§ 13) – бедняк переносит изнеженного богача через реку, чтобы тот не простудился;

№ 4в (§ 13) – мудрый делится мудростью с тем, кто нуждается в совете;

№ 5 (§ 13) – я (проповедник) делюсь с вами разумением Писания.

Убедительность этого развития темы благотворения не только в том, что видимая величина даяний, убывая, парадоксально обнажает равную ценность благодеяний, но и потому, что примеры расположены в порядке приближения к коммуникативной ситуации: №№ 1, 2 – конкретные, исторические евангельские события; № 3 – обобщенный, почти приточный пример; №№ 4а, б, в – примеры из повседневной жизни; № 5 – ситуация самой толковательной проповеди (я и вы, здесь и сейчас).

Коммуникативный потенциал развития образной системы реализован, тема доведена до логического предела, и пассаж заканчивается обобщающим наставлением: “Так и держится тело Христово, так сплочаются и соединяются члены-братья любовью и узами мира, когда каждый предоставляет, что имеет, неимущему ... Так заботьтесь друг о друге, так любите друг друга. Думайте не только о себе, думайте и о

нуждающихся вокруг вас”.

Приведенные образцы из разных слоев художественной структуры проповеди (тематический образ, частный толкуемый образ, образ типа примера) наглядно обнаруживают действие интерпретативной силы образности в этом устном экзегетическом жанре – актуализацию духовного смысла толкуемого текста для Церкви и, в частности, для паствы. Так реализует блаженный Августин задачи экзегета как они формулируются им, например, в трактате “О христианской науке” или в “Послании к Деогратию об обучении оглашенных”: созидание в слушателях веры, надежды и любви и возгревание любви к Богу и ближнему²⁹.

Как бы мы ни оценивали сегодня состоятельность некоторых экзегетических и риторических приемов гиппонского учителя, его оригинальность или зависимость от традиции, читая его проповеди, мы не можем не согласиться с тем, что это мастер живого художественного слова. Но главное, пожалуй, выразил Боннер в заключении вышеупомянутой статьи: “Сила Августина как проповедника и экзегета объясняется тем, что он был, по замечательному выражению ван дер Меера, «безусловный христианин». Именно поэтому и сейчас, через пятнадцать столетий по его кончине, стоит читать его для руководства к пониманию, а особенно к приложению Священного Писания”³⁰.

Замечания о тексте Писания и стиле проповеди

При передаче текста Писания (особенно Псалтири) по-русски мы не могли в полной мере придерживаться Синодального текста по двум причинам. Во-первых, блаженный Августин пользовался одной из разновидностей “италийского” перевода Псалтири³¹, ориентированного на версию Семидесяти, а не на масоретский текст (основу общепринятого русского перевода). Во-вторых, выстраиваемая им в толкованиях образная система основывается на такой трактовке словесного облика текста Писания, которая воспроизводима только при буквальной передаче именно данного вида латинского текста.

Стиль данного толкования отмечен многими особенностями, характерными для устного, полуимпровизированного изложения. Обилие прямых обращений, риторических и прочих вопросов (подсказов, сомнений, совещаний)³², анаколумы и рваные периоды, возвращения к теме и повторения плеонастического характера – все это неизбежно в устной речи и даже необходимо для придания ей жизненной силы, но в письменном виде кажется нам затрудняющим понимание и противоречащим нормам литературного изящества. Из соображений

верности подлиннику мы старались не сглаживать его шероховатости, изломы и ухабы, но дать зазвучать живому слову в живом исполнении.

* * *

Слово к народу

1. (стих 1) Как вы помните, по порядку нам предстоит изъяснять Псалом сто двадцать пятый, который из тех Псалмов, что надписаны: Песнь ступеней. А это, как вы знаете, глас восходящих, именно, восходящих в Иерусалим, мать нашу, которая на небесах (Гал 4:26). Тот, что вышний, он же и вечный, а этот, что был на земле, был тенью его. И вот, этот Иерусалим пал, а тот пребывает, этот исполнил время проповедания, а тот содержит вечность нашего восстановления. В разлуке с той родиной мы странствуем в этой жизни, о возвращении туда вздыхаем; несчастны мы и труждаемся все время, покуда не вернемся туда. Но наши сограждане Ангелы не оставили нас в нашем странствовании, но возвестили нам, что сам Царь придет к нам. И Он пришел к нам и среди нас был презираем сначала нами, а потом вместе с нами, и научил нас быть в презрении тем, что Сам был презрен, научил терпеть тем, что терпел, научил страдать тем, что пострадал, и обещал, что мы воскреснем, как и Он воскрес, показывая Собою, на что нам надо уповать. Итак, братья, если древние пророки, наши отцы, до пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти, до того, как Он умер, воскрес и взошел на небо, вздыхали уже об этом граде, то с какой же силой должны мы стремиться туда, куда Он Сам нашим предводителем выступил, и откуда не отступал. Ибо не так Господь пришел к нам, что покинул Ангелов: и с ними остался, и к нам пришел, с ними остался величеством, а к нам пришел плотью. Но где были мы? Если Он зовется нашим Искупителем, значит нас держали в плену? У кого же мы были в плену, что Он пришел искупить пленников? Может, у варваров? Хуже варваров диавол и его ангелы. Они-то прежде и держали род человеческий в плену. От них искупил нас Тот, Кто не золото и не серебро, но кровь Свою отдал за нас выкупом.

2. А как человек попал в плен, спросим апостола Павла. Он ведь особенно стенает в этом плену, вздыхая о вечном Иерусалиме; и он научил нас вздыхать от того самого Духа, исполнившись Которого он сам вздыхал. Ибо вот что он говорит: *Вся тварь стенает и мучится даже донныне. И еще: Ибо суете подчинилась тварь не добровольно, но по воле того, кто подчинил ее в надежде (Рим 8:21–25)*. “Всякая тварь”, – это сказал он, имея в виду людей еще не верующих, но которые должны уверовать, то есть что стенает в трудах всякая тварь. Неужели только в тех стенает, кто еще не уверовал? Так что же, в уверовавших тварь уже не

стенает и не мучится родами? *И не только она*, – говорит Апостол, – *но и мы сами, имея начаток Духа* (то есть которые уже служим духом Богу, которые поверили разумом Богу, и самой этой верой принесли уже некоторые начатки, и должны последовать нашим начаткам), – *и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего*. Значит, и он стенал, и все верные стенают, ожидая усыновления, искупления тела своего. Где они стенают? В нашей смертности. Какого искупления ожидают? Искупления своего тела, искупления, которое наперед свершилось в Господе, Который воскрес из мертвых и взшел на небо. Пока нам не будет воздано это искупление, необходимо, чтобы мы стенали, даже верующие, даже уповающие. Поэтому Апостол продолжает после слов: *И мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего*, – как если бы ему сказали: “Какую пользу принес тебе Христос, если ты и поныне стенаешь, и каким это образом Спаситель спас тебя? Кто стенает, тот до сих пор в болезни”, – и вот отвечает Апостол: *Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, которая видима, уже не надежда; ибо если кто видит, то что ему и надеяться? Но когда надеемся на то, чего не видим, ожидаем в терпении*. Вот почему мы стенаем и каким образом стенаем: потому что тем, на что надеемся, хотя уже и ожидаем его, но еще не обладаем, и покуда не овладеем, во времени воздыхаем, потому что вождедем того, чем еще не обладаем. Почему? Потому что в надежде мы спасены. Уже взята от нас плоть в Господе, не в надежде, но на деле спасена. Ибо воскресла и вознеслась наша спасенная плоть в голове, а в членах она еще только спасается. Да радуются члены в безопасности, ибо они не покинуты своей головой. Он Сам сказал труждающимся членам: *Вот, Я с вами до скончания века (Мф 28:20)*. Так положено начало нашему возвращению к Богу. Прежде у нас не было иной надежды, кроме надежды сего века, а потому мы были рабы жалкие, и дважды жалкие оттого, что полагали свою надежду в этой жизни, лицом обратившись к веку сему, а спиною против Бога. Когда же Господь обратил нас, чтобы лицом мы были к Богу, а спиною к веку сему, то мы, хотя пока еще только в пути, но обращены по направлению к родине, и когда, бывает, мы терпим какую-нибудь скорбь, все-таки мы держимся правого пути и несет нас корабль; крепок, конечно, ветер, но это ветер попутный, тяжело нам, конечно, на ветру, но он быстро несет нас и быстро доносит. Итак, как мы стенали о нашем плене, стенают и уверовавшие; мы забыли, как стали пленниками, но Писание нам напоминает. Спросим о том самого апостола Павла, который говорит: *Мы знаем, что закон духовен, а я плотян, я продан за грех (Рим 7:14)*. Вот как мы стали пленниками: мы проданы за грех. Кто

нас продал? Мы сами, когда согласились с искусителем. Продать себя мы смогли, выкупить не можем. Продались мы в согласии греховном, искуплены в вере праведной. Ибо для нашего искупления отдана праведная кровь. Какую бы кровь не проливал враг, преследуя праведных, – что за кровь это была? Конечно, это была кровь праведных. Пророков, отцов наших, праведников и мучеников, но все они происходили от отрасли греховной. И только Один среди тех, чью кровь он пролил, был не оправданным, а природно праведным; когда пролилась эта кровь, он потерял всех, кем обладал. И за кого отдана невинная кровь, те искуплены, и, возвращаясь из плена, поют этот Псалом.

3. *Когда возвращал Господь пленение Сиона, мы сделались как утешенные.* Этим он хотел сказать: мы сделались радостными. Когда? Когда возвращал Господь пленение Сиона. Что это за Сион? Тот же Иерусалим – это вечный Сион. Как понять вечный Сион, как понять пленный Сион? В Ангелах вечный, в людях пленный. Не все граждане этого града пленники, но те, кто странствует вдали от него, те пленники. Человек – гражданин Иерусалима, но, продавшись за грех, он стал странником. От его отрасли народился род человеческий, и наполнило землю сионское пленение. А каким образом это сионское пленение – тень того Иерусалима? Тень этого Сиона, которая была дана иудеям прообразовательно, была в вавилонском плену, и после семидесяти лет народ этот вернулся в свой град (*Иер 29:10; 1Езд 1*). Семьдесят лет обозначают все время, которое обращается в семи днях, а когда пройдет все время, то и мы вернемся на нашу родину, как тот народ возвратился после семидесяти лет вавилонского плена. Потому что Вавилония – этот мир, ибо переводится Вавилония как “смущение”. Смотрите, не вся ли жизнь человеческая – смущение. Что бы ни делали люди в пустой надежде, когда осознают, что делают, краснеют. Зачем они терпят труды? Для кого терпят труды? “Для детей”, – говорит. А они для кого? “Для своих детей”. А те для кого? “Для своих детей”. Значит, никто – для себя. От этого-то смущения обратились уже те, кому говорит Апостол: *Какая слава вам была в тех делах, за которые вы теперь стыдитесь? (Рим 6:21)* Итак, смущение – вся жизнь мирских дел, не имеющая отношения к Богу. В этом смущении, в этой Вавилонии был в плену Сион, но *возвратил Господь пленение Сиона.*

4. *И мы сделались, говорит, как утешенные,* то есть мы обрадовались, как те, кто получает утешение. Утешение бывает для жалких, утешение бывает для стонающих, скорбящих; потому мы “как бы утешенные”, что до сих пор стенаем. Стенаем на деле, утешаемся в надежде; когда пройдет

действительность, придет вместо стенания вечная радость. Тогда уже не понадобится утешение, потому что никакое несчастье не ранит нас. Однако почему он сказал “как утешенные”, а не просто “утешенные”? Слово “как” не всегда ставится для обозначения сравнения; когда мы говорим “как”, то иногда это указывает на свойство, иногда на уподобление, в данном случае на свойство. Но надо привести примеры из обыденной речи, чтобы было понятнее. Когда мы говорим: “Как отец прожил, так и сын”, – то это говорится для уподобления. И: “Как скот умирает, так и человек умирает”, – это тоже говорится для уподобления. А когда говорим: “Он поступил как порядочный человек”, – то разве он не порядочный человек, но имеет только подобие порядочного человека? “Поступил как праведник”, – здесь “как” не отменяет праведности, но указывает на свойство. “Ты поступил как сенатор”, – а он скажет: “А я разве не сенатор?” – Именно оттого, что сенатор, и поступил как сенатор, оттого что праведник, поступил как праведник, оттого что порядочный, поступил как порядочный. Так вот и эти, из-за того что были утешены, радовались, “как утешенные”, то есть велика была их радость как утешенных, когда их, смертных, утешил Умерший. Все мы, умирая, стенаем – Умерший утешил нас, чтобы мы не боялись умирать. Он первым воскрес, чтобы нам было на что надеяться. Итак, тем, что Он первый воскрес, Он дал нам надежду: теперь посреди несчастья мы утешены надеждой, оттого нам великая радость. И возвратил Господь пленение наше, чтобы мы теперь держали путь на родину. Поэтому, уже искупленные, не будем бояться врагов, строящих нам засады. Для того ведь и искупил нас Он, чтобы враг не смел строить нам засады, если только мы не сойдем с пути. Ибо Сам Христос стал нашим путем (Ин 14:6). Хочешь не страдать от разбойников? Он говорит тебе: Я вымостил тебе путь на родину, не сходи с пути. Такой надежный путь устроил Я, что разбойник не посмеет приблизиться к тебе. Ступай же путем Христовым и пой от радости, пой, как утешенный, потому что прошел перед тобой Тот, Кто приказал тебе следовать за Собой.

5. (стт. 2, 3) *Тогда наполнились радостью уста наши, и язык наш веселием.* Как рот, братья мои, который на нашем теле, может наполниться радостью? Обычно он наполняется только едой, или питьем, или чем-то еще таким, что отправляется в рот. Наполняется иногда рот наш, но излишне говорить об этом вашей святости; когда полон рот, не можем говорить. Однако есть у нас уста и внутри, то есть в сердце; если оттуда что-то исходит, то, когда оно дурно, сквернит нас, когда добро, очищает нас. Об этих устах вы слышали, когда читалось Евангелие. Иудеи упрекали

Господа, что ученики Его ели немывтыми руками. Упрекали те, у кого благообразие было только снаружи, внутри полные скверн, упрекали те, чья праведность была только в глазах людских. Господь же искал внутреннего нашего благообразия; если будет оно, то по необходимости будет благообразие и наружное. *Очистите*, – говорит Он, – *то, что внутри, и будет чисто внешнее (Мф 23:26)*. В другом месте сам Господь сказал: *Подавайте лучшие милостыню, и вот, все у вас чисто (Лк 11:41)* А откуда исходит милостыня? Из сердца. Если протягиваешь руку с милостыней, а в сердце не жалеешь, то ничего ты не сделал; если же в сердце жалеешь, то даже когда нечего тебе протянуть рукой, Господь принимает твою милостыню. А те неправедные люди внешней чистоты искали. Из таких был и фарисей, который пригласил Господа на обед, во время которого приступила к Нему женщина, известная в городе грешница, и омыла слезами Господу стопы, отерла волосами, умастила умащением. Тогда пригласивший Господа фарисей, у которого была только телесная праведность извне, а сердце полно неправды и хищения, сказал в себе: *Если бы Он был пророк, знал бы, что за женщина приступила к ногам Его*. По чему он решил, знает Тот или не знает? Да оттого решил он, что Тот не знает, что Господь не отпрянул от нее. Ведь если такая женщина подошла бы к самому фарисею, то он, как бы содержащий чистоту телом, вскипел бы, оттолкнул бы, отверг, чтобы нечистая не прикоснулась к чистому и не осквернила его чистоты. Из-за того что Господь этого не сделал, фарисей счел, что Тот не знает, что за женщина приступила Ему к ногам. Но Господь не только ее знал, но и помышления его слышал. Ибо если и значит что-нибудь телесное прикосновение, о нечистый фарисей, то Господня ли плоть должна была оскверниться от прикосновения женщины или женщина должна была очиститься прикосновением ко Господу? Врач позволил больной прикоснуться к лекарству, и пришедшая узнала Врача, и та, что была, наверное, безудержна в своем прелюбодеянии, сделалась еще безудержнее для своего спасения. Она ворвалась в дом, куда не была приглашена, но у нее были раны, и она пришла туда, где возлежал Врач. Пригласивший Врача считал себя здоровым, и не было ему лечения. Что было дальше по Евангелию, вы знаете: как смутился сам фарисей, когда Господь показал ему, что и женщину эту знал, и помышления его слышал.

6. Но вернемся к тому, что только что прочитано из Евангелия и что имеет отношение к нашему стиху, который говорит: *Наполнились радостью уста наши, и язык наш веселием*. Спрашивается, какие уста и какой язык? Слушайте внимательно, возлюбленные братья. Господа

упрекнули в том, что Его ученики едят немывтыми руками. Господь отвечал как подобало и сказал собравшейся толпе: *Слушайте все и разумеайте! Все, что входит в уста, не сквернит человека, но что исходит.* Что это значит? Когда Он сказал: *Что входит в уста,* – хотел указать только на телесные уста. В уста входит пища, и не сквернит людей пища, потому что все чисто для чистых, и *всякое создание Божие добро, и ничто не подлежит отвержению, что принимается с благодарением (1Тим 4:4).* Иудеям образно было нечто показано и названо нечистым (*Лев 11*). Но после того как пришел сам свет, убраны тени, мы больше не удерживаемся в букве, но получили жизнь в духе; не наложено на христиан бремя соблюдения закона, которое было наложено на иудеев, потому что Господь сказал: *Ибо иго Мое приятно и бремя Мое легко (Мф 11:30),* и еще: *Чистым,* – говорит Апостол, – *все чисто, нечистым же и неверным ничто не чисто, но осквернены у них ум и совесть (Тим 1:15).* Что он давал понять? Для чистого человека чисты и хлеб, и свинина, для нечистого ни хлеб, ни свинина. *Нечистым же,* – говорит, – *и неверным ничто не чисто.* Почему ничто не чисто? *Но осквернены у них,* – говорит, – *и ум, и совесть;* потому что если внутреннее нечисто, то из наружного ничто не может быть чистым. Итак, раз у тех, у кого внутреннее нечисто, внешнее не может быть чистым, то, если хочешь очистить внешнее, очисти внутреннее. Там, внутри, у тебя уста, которые наполняются радостью, даже когда ты молчишь, ибо когда ты радуешься и молчишь, уста твои вопиют к Богу. Однако смотри, отчего радуешься. Если радость твоя о мирском, то от нечистой радости вопишь ты к Богу; а если радуешься об искуплении, по словам этого Псалма: *Когда возвращал Господь пленение Сиона, мы сделались обрадованными,* – значит, наполняются твои уста истинною радостью, и язык твой веселием. Ясно, что ты радуешься в надежде, и твоя радость принята Богом. Этой радостью, или этими внутренними устами, мы и едим и пьем: как видимым ртом для подкрепления тела, так внутренними устами для подкрепления сердца. И поэтому *блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся (Мф 5:6).*

7. Если только исходящее из уст сквернит, и если под устами мы понимаем при слушании Евангелия только телесные уста, то выходит глупо и весьма нелепо, что человек делается нечистым не тогда, когда ест, а тогда, когда изрыгает. Ведь Господь говорит: *Не то, что входит в уста, сквернит человека, но то, что исходит, сквернит.* Значит, когда ешь, не оскверняешься, а когда изрыгаешь, оскверняешься. Когда пьешь, ты не нечист, а когда плюешь, нечист. И вправду, когда плюешь, нечто исходит

из уст, а когда пьешь, нечто входит в уста. Что хотел Господь этим сказать: *Не то, что входит в уста, сквернит человека, но то, что исходит, сквернит?* Согласно другому Евангелисту, в продолжение Своих слов в том же месте Он сказал, что именно происходит из уст, чтобы ты понял, что Он говорит не о телесных устах, но о сердечных. Он сказал: *Ибо из сердца исходят помышления злые, прелюбодеяния, человекоубийства, хулы; это то, что сквернит человека, а есть немытыми руками не сквернит человека (Мф 15:1–20; Мк 7:5–23)*. А каким образом все это, братья мои, исходит из уст, если не потому, что исходит из сердца, как говорит Сам Господь? Ибо не тогда сквернит нас все это, когда мы говорим. Пусть никто не скажет: “Когда мы говорим, тогда все это исходит из уст наших, потому что из уст наших исходят слова и речи, и когда мы говорим злое, делаемся нечистыми”. Что, например, если иной не говорит, но замышляет злое, чист ли он оттого, что из уст его ничего не исходит? Нет, из уст сердца его уже слышал Бог. Теперь, братья мои, слушайте внимательно, что я говорю. Вот я говорю: “воровство”, назвал уже воровство, разве, когда я назвал воровство, оно меня осквернило? Вот, значит, оно изошло из уст моих и не сделало меня нечистым. Напротив, вор ночью встает и ничего не говорит устами, но делом своим сквернит себя. Он не только ничего не говорит, но и все свое дело покрывает молчанием, и до того боится, что услышат его голос, что и шаги свои приглушает; так разве оттого, что он так молчалив, он чист? Скажу более того, братья: Вот, он пока еще лежит на своей постели, еще не встал на воровство, он бодрствует и выжидает, когда люди уснут – и уже вопит он для Бога, уже он вор, уже нечист, уже из внутренних уст изошло преступление. Ибо когда поступок исходит из уст? Когда сердце определенно склоняется к поступку. Решил ты сделать, сказал, сделал. Если сам ты внешне и не совершаешь воровства, это может быть потому, что тот, у кого ты решил украсть, не заслужил потерпеть потерю; он ничего не потерял, а ты осужден за воровство. Решил ты убить человека, сказал об этом в сердце – и из твоих внутренних уст прозвучало человекоубийство: сам человек еще жив, а ты подлежишь наказанию как убийца. Вопрос в том, кто ты перед Богом, а не кто ты, пока тебя не разоблачили, перед людьми.

8. Итак, мы определенно знаем и должны знать и содержать, что есть уста сердца и есть язык сердца. Эти уста наполняются радостью, этими устами мы внутренне молимся Богу, когда губы сомкнуты, но открыта совесть. Царит молчание, и вопиет внутренность, но для чьих ушей? Не для человеческих, а для Божиих. Значит, будь спокоен: тебя слышит

Милующий. И напротив, когда никто из людей не слышит злого из твоих уст, не думай, что ты можешь быть спокоен: Осуждающий слышит тебя. Не слышали неправедные судьи Сусанны, она молчала и молилась. Уст ее не слушали люди, сердце ее вопило к Богу (*Дан 13слл*). Разве из-за того что голос ее не исходил из телесных уст, не заслужила она, чтобы ее услышали? И она была услышана; а когда молилась, никто из людей не знал. Поэтому, братья, думайте, что у вас во внутренних устах. Смотрите, чтобы ничего дурного там внутри не сказать, и не сделаете ничего дурного внешне, потому что только то делает человек внешне, что скажет внутренне. Храни сердечные уста от зла, и будешь без вины, без вины будет твой телесный язык, без вины будут твои руки, глаза будут без вины, уши будут без вины, все члены твои будут сражаться в рядах праведности, потому что в голове будет праведный главнокомандующий.

9. *Тогда скажут среди иноплеменников: Великое Господь сотворил с ними! Великое Господь сотворил с нами, мы стали радостными.* Смотрите, братья, не это ли говорит Сион сейчас среди иноплеменников, по всему свету, смотрите, не прибегают ли к Церкви. Во всей вселенной принимается наша цена, звучит в ответ “Аминь”. Поэтому и говорят среди иноплеменников пленные Иерусалимляне, Иерусалимляне, жаждущие возвращения, странствующие, вздыхающие по своей родине – что говорят? *Великое Господь сотворил с ними! Великое Господь сотворил с нами, мы стали радостными.* Сами ли они сделали себя радостными? Сами себе они зло причинили, потому что продались греху. Пришел Искупитель и сотворил с ними добро: и *великое Господь сотворил с ними! Великое Господь сотворил с нами, мы стали радостными.*

10. (ст. 4) *Возврати, Господи, пленение наше, как поток на южном ветру.* Слушайте внимательно, братья, что это значит. Он уже сказал: *Когда возвращал Господь пленение Сиона.* Говорил как бы уже о прошедшем, но часто бывает, что говоря как бы о прошлом, Пророк предвозвещает будущее. Например, как бы о прошедшем он говорил, когда сказал в другом Псалме: *Пронзили руки мои и ноги мои и сочли все кости мои (Пс 21:17).* Не сказал: “пронзят”, не сказал: “сочтут”, не сказал: “разделят между собою одежды мои”, не сказал: “об одежде моей бросят жребий”; это все было в будущем, а воспевалось как совершившееся, потому что все будущее у Бога уже совершено. Потому когда Пророк говорил: *Великое Господь сотворил с нами, мы стали радостными,* – то, чтобы показать, что в образе прошедшего он мыслит о будущем, говорит: *Тогда скажут среди иноплеменников.* “Скажут” – это уже о будущем. *Великое Господь сотворил с нами, мы стали радостными.* Тогда, когда это

пелось, виделось будущим, а теперь мы видим это в настоящем. Поэтому предсказатель будущего молится о будущем под видом прошлого: *Возврати, Господи, пленение наше*. Еще не было возвращено пленение, потому что еще не приходил Искупитель. Итак, то, о чем молились, когда пели псалмы, уже свершилось. *Возврати, Господи, пленение наше, как поток на южном ветру*. Как возвращаются потоки на южном ветру, так возврати наше пленение. Можно спросить, что это значит? Но сейчас с Божией помощью откроется нам, вашими молитвами. В одном месте Писание говорит: *Как лед в ведро, так разрешатся грехи твои (Сир 3:15)*. Значит, нас сковали грехи. Как? Как стужа сковывает воду и не дает ей бежать. Вот и мерзли мы, скованные стужей грехов. А южный ветер – теплый ветер; когда дует южный ветер, лед разрешается и наполняются потоки. Потоками же названы зимние реки; наполнившись бурными водами, они текут с большим напором. Мы прозябали в плену, теснили нас наши грехи – подул южный ветер Святого Духа, отпущены были нам грехи, разрешились мы от мороза неправды, как лед в ведро разрешаются грехи наши. Бежим же на родину, словно потоки на южном ветру. Долго мы терпели труды в рабстве, потерпим теперь еще в делании добра. Ведь эта наша человеческая жизнь, в которую мы вступили, несчастна, полна трудов и тягот, болезней, бед, забот, искушений. Не соблазняйтесь радостями человеческой жизни, лучше рассмотрите, как она плачевна. Рожденный ребенок мог бы первым делом смеяться, почему же он с плача начинает жизнь? Еще не умеет он смеяться, почему же плакать уже умеет? Потому что вступает в жизнь такую. И если он из тех пленников, то здесь он плачет и стонет, но настанет и радость.

11. (ст. 5) Ибо далее сказано: *Сеющие в слезах пожнут в радости*. Будем сеять в этой жизни, полной слез. Что будем сеять? Добрые дела. Дела милосердия – наши семена, об этих семенах Апостол говорит: *Делая добро, да не унываем, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем. Итак, доколе есть время, будем искать добра всем, а наипаче своим по вере (Гал 6:8–10)*. А о самих милостынях что говорит он? – *При сем скажу: кто сеет скупо, тот скупо и пожнет (2Кор 9:6)*. Значит, кто щедро сеет, щедро и пожнет, и кто сеет скупо, тот скупо и пожнет, и кто ничего не сеет, ничего не пожнет. Зачем вы желаете обширных поместий, где можно посеять большой посев? Не будет вам обширнее места для посева, чем Христос, Который хотел, чтобы сеяли в Нем. Ваша земля – Церковь, сейте, сколько можете. Но, говоришь ты, у тебя мало возможностей. Однако добрая воля-то есть? Подобно тому, как все твои возможности были бы ничто, если бы не было доброй воли, так же, если и нет возможностей, не

печалься, раз есть у тебя добрая воля. Ведь что ты сеешь? Милосердие. И что жнешь? Мир. Разве сказали Ангелы: “Мир на земле богатым людям”? Нет, но: *Мир на земле людям доброй воли* (ср. Лк 2:14). Великая воля была у Закхея, великая любовь. Он принял Господа гостем, принял с радостью, и обещал, что половину достояния отдаст нищим, и если что-то у кого-то отнял, возместит вчетверо (Лк 19:6–8) – это чтобы ты понимал, что для того он и удержал половину себе: не для того, чтобы чем-то владеть, а чтобы было из чего отдавать долги. Великая воля: много он дал, много посеял. А что же вдова, которая положила две лепты, она мало посеяла? Да нет, столько же, сколько Закхей. У нее было меньше возможностей, но воля у нее была равной (Лк 21:1–4). Две лепты она положила с такою же волей, с какой Закхей половину достояния своего. Если рассмотришь, что они дали, обнаружишь разное, но если рассмотришь, из чего они дали, обнаружишь одинаковое: она дала все, что имела, и он дал все, что имел.

12. А положим, у кого-то нет и двух монет; есть ли что-либо еще более дешевое (малозначительное), что можно посеять, чтобы пожать такую жатву? Есть: *Чашу холодной воды кто поднесет ученику, не потеряет награды своей* (Мк 9:41; Мф 10:42). Чаша холодной воды обходится не в две монеты, а даром, но иногда бывает, что одному она достанется даром, а другому нет. Так вот, если тот, у кого она есть, даст тому, у кого нет, то он дал столько же (если, конечно, дал от полноты любви), сколько вдова дала двумя монетами, сколько Закхей половиной своего достояния. Видите ли, не зря добавлено: холодной воды, это показывает, что человек бедный, чтобы никто не ставил ему в укор, что у него не было дров подогреть воду. *Чашу холодной воды кто поднесет ученику, не потеряет награды своей.* А что, если у кого-то и этого нет? Пусть будет спокоен даже и в том случае, если нет и этого. *Мир на земле людям доброй воли:* пусть боится только не сделать добро, когда имеет средства. Если имеет и не делает, он оледенел внутри, еще не разрешились его грехи, как поток на южном ветру, потому что воля его холодна. Что значат все богатства, которыми мы владеем? Появляется кипящая воля, уже разрешенная горячим дуновением южного ветра, и хотя бы ничего не было у человека, все ему зачтется. Что могут подать нищие? Послушайте, братья, как можно творить милостыню. Конечно, ты оказываешь милостыню нищим, нищие нуждаются. Наверное, вы смотрите за своими братьями, не нуждаются ли они в чем-либо; если живет в вас Христос, то, наверное, уделяете и внешним. Но если нищими считаются те, для кого просить – ремесло, то и у них есть что со своей стороны подать в тяжелых обстоятельствах. Бог не лишил их возможности доказать свое

добросердечие милостыней. Иной не может ходить – кто может ходить, предоставляет свои ноги хромоту; кто видит, глаза свои предоставляет слепому, а кто молод и здоров, представляет свои силы старому или больному, переносит его. Один нуждается, другой богат.

13. Иногда и богатый оказывается бедным, и бедный может нечто ему предоставить. Пришел к реке некто столь же изнеженный, сколько и богатый, и не может перейти: если он разуется и перейдет реку, то простынет, заболит, умрет. Тут приходит на помощь бедняк, более закаленный телом, переносит богача – и он оказал богачу милостыню. Так что не думайте, что бедные только те, у кого нет денег. Рассмотрите, в чем беден человек; может, ты богат тем, в чем он беден, и тебе есть чем ему пособить. Может, ты пособишь ему собственными членами, это больше, чем пособить деньгами. Он нуждается в совете, а у тебя довольно мудрости – он беден мудростью, а ты богат. И вот, ты не трудишься, не теряешь ничего, даешь совет – и ты оказал милостыню. И сейчас, братья мои, когда мы говорим, вы для нас как бы бедные, и так как Бог соизволил нам дать, мы из этого подаем вам; и все мы принимаем от Него, Который один богат. Так и держится тело Христово, так сплочаются и соединяются члены-братья любовью и узами мира, когда каждый предоставляет, что имеет, неимущему; что он имеет, тем богат; тем, чего у другого нет, этот другой беден. Так заботьтесь друг о друге, так любите друг друга. Думайте не только о себе, думайте и о нуждающихся вокруг вас. А что в этой жизни все бывает с трудами и тяготами, от того не унывайте. Как же иначе, братья? И земледелец, когда выходит с плугом и несет семена, разве не бывает тогда холодного ветра, и разве не пугает ветер? Смотрит тот на небо, видит, что оно пасмурно, дрожит от холода, и однако выходит и сеет. Он боится, что пока будет пережидать пасмурный день и выжидать погожего, уйдет время, и будет уже нечего сеять. Не откладывайте, братья, сейте в ненастье, сейте добрые дела и когда плачете, потому что *сеющие в слезах пожнут в радости*. Бросают семена свои – добрую волю и добрые дела.

14. (ст. 6) *Идущие шли и плакали, бросая семена свои*. Почему плакали? Потому что были среди несчастных, и были несчастны. Лучше, братья мои, чтобы не было ни одного несчастного, чем чтобы занимался ты делами милосердия: кто желает, чтобы были несчастные для его дел милосердия, у того жестокое милосердие, подобно тому, как если врач желает, чтобы было много больных для его упражнений во врачебном искусстве, то это жестокое врачебное искусство. Лучше пусть все будут здоровыми, чем чтобы изощрилось искусство врача. Потому лучше, чтобы

все блаженно царствовали на той нашей родине, чем чтобы было кому раздавать милостыню. Однако пока есть такие, которым нужно ее раздавать, не будем унывать и будем сеять семена в этих тяготах. И хотя сеем с плачем, однако жать будем с радостью. При воскресении мертвых каждый возьмет свои снопы, то есть плод сеяния, венец радостей и ликования. Тогда будет торжество веселящихся и ругающихся этой самой смерти, над которой мы плакали. Тогда скажут умершие: *Где твоя, ад, победа? Где твое, смерть, жало?* (1Кор 15:55) Но отчего они уже радуются? Оттого, что *несут снопы свои*. Почему бросая семена свои? Потому что *сеющие в слезах пожнут в радости*.

15. Этим Псалмом более всего мы хотели побудить вас к делам милосердия, потому что отсюда нужно восходить, и вы видите, что песнь ступеней поет восходящий. Помните об этом; не любите нисходить, вместо того чтобы восходить, помышляйте о восхождении. Ибо *сходящий из Иерусалима в Иерихон попал в руки разбойников*. Не нисходил бы – не попал бы. Вот нисшел Адам – и попал в руки разбойников, а Адам – это мы все. Но прошел мимо священник и пренебрег им; прошел левит и пренебрег, потому что закон не мог исцелить. Проходил некий Самаритянин – то есть Господь наш Иисус Христос. (Помните, Ему сказали: *Не правду ли мы говорили, что Ты самаритянин и что в Тебе бес?* А Он не сказал: “Я не самаритянин”, но сказал: *беса во Мне нет* (Ин 8:48–49). Дело в том, что самаритянин переводится как “страж”, и если бы Он сказал: “Я не самаритянин”, – тем самым сказал бы: “Я не страж”. А кто лучше охранит? Отсюда и взято подобие.) Проходил Самаритянин, и *оказал ему милосердие*, как вы знаете. Лежал же тот на дороге израненным оттого, что нисходил (из Иерусалима в Иерихон). Самаритянин не пренебрег нами. Он позаботился о нас, поднял нас на ездовое животное, то есть воспринял в Свою плоть; довез до постоянного двора, то есть в Церковь; поручил хозяину, то есть Апостолу; дал два динария на уход и лечение – любовь к Богу и любовь к ближнему, ибо на этих двух заповедях покоится весь закон и все пророки (Мф 22:40). Притом Он сказал хозяину постоянного двора: *Если потребуется больше, при возвращении воздам тебе* (Лк 10:35). Больше понадобилось Апостолу, потому что хотя Апостолам было позволено, как воинам Христовым, взимать дань с завоеванных Христом, однако он руками своими трудился и прибутки свои раздавал завоеванным (1Кор 4:12; 1Фес 2:9; 2Фес 3:8–9). Все это произошло; и раз мы спустились и были ранены, давайте восходить, петь и продвигаться вперед, к цели.

Примечания

¹ - Большинство названий дано по старым переводам издания Киевской Духовной Академии, согласно хронологической таблице в книге: Августин Аврелий. Исповедь. М., 1991. – Сс. 388–398.

² - Такой вариант перевода названия лучше отражает содержание этого знаменитого трактата, ибо речь в нем идет не об учении в смысле доктрины (ср. традиционный перевод “О христианском учении”), а о научных знаниях, сведениях и навыках, необходимых христианскому экзегету. © Перевод, предисловие. С. А. Степанцов, 1997

³ - Bonner G. Augustine as Biblical Scholar // The Cambridge History of the Bible. Vol. 1. Cambridge, 1963. – Pp. 541–563.

⁴ - В новейшем издании: Бычков В. В. Aestetica patrum.... М., 1957. – Сс. 483–506.

⁵ - Хронологические данные согласно лучшему на сегодня изданию “Толкования на псалмы” в серии: Corpus Cristianorum. Series Latina T. XXXVIII. Aurelii Augustini opera (Pars X, 1. Enarrationes in Psalmos i-l. P. XVss.). За последние десятилетия многие датировки оспорены и уточнены. Библиографию исследований хронологии сочинений блаженного Августина по состоянию на начало 90-х годов см. в книге: Von Albrecht M. Geschichte der romischen Literatur... Bd. II. Munchen, 1992. – SS. 1320 ff., а также в исследовании: Rondeau M.-J. Les commentaires patristiques du psautier. Vol. 1. Roma, 1982. – Pp. 167 ss.

⁶ - О разнице между карфагенскими проповедями как более “профессорскими” и гиппонскими, более простыми, упоминается в книге: Pontet M. L'ехйгисе de S. Augustin прйdicateur. Paris, 1945 (О ситуации проповеди и отн. к пастве – сс. 35–110). К сожалению, этой фундаментальной монографии об устной экзегезе блаженного Августина нет в отечественных библиотеках, но частично данные этой книги обобщены в соответствующих главах первого и второго томов вышеупомянутого исследования Рондо (Vol. 2. Roma, 1985. – Pp. 365 ss.).

⁷ - О снижении аллегоричности в более поздних толкованиях у блаженного Августина см. в вышеуказанной главе книги В. В. Бычкова (с. 501). Наблюдения для осознания этого явления в контексте развития эстетической мысли блаженного Августина см. в книге: O'Connell R. J. Art and the Christian Intelligence. Cambridge (Mass.), 1979. – Pp. 130–142. Критический взгляд на аллегорический элемент толкований блаженного

Августина в связи с другими их несовершенствами отражен в упомянутой книге Понте (Pontet M. Указ. соч. – Pp. 581–587).

⁸ - The Interpreter's Bible in XII Volumes. Vol. IV. Nashville, 1991. – Pp. 638–639; The One Volume Bible Commentary / Ed. by J. R. Dummelow. London, 1958. – P. 373.

⁹ - The Interpreter's Bible. Там же.

¹⁰ - Перечень других толкований на Псалмы, где развивается эта тема, наряду с библиографией исследований, можно найти в упомянутой книге Рондо (Rondeau M.-J. Указ. соч. – Pp. 167 ss).

¹¹ - Wittmann L. Ascensus: Der Aufstieg zur Transzendenz in der Metaphysik Augustins. Munchen, 1980. – SS. 3–4.

¹² - Общие замечания об этом см. в книге: Лотман М. Ю. Структура художественного текста. М., 1970. – Сс. 267 и далее.

¹³ - Специально об этом говорится в статье К. Андо “Августин о языке” (Ando C. Augustin on Language // Revue des Etudes Augustiniennes, 40 (1994). – Pp. 45–78).

¹⁴ - В Синодальном переводе: “Из глубины взываю к Тебе, Господи”. Далее переводчик также использует перевод стихов Псалма с латыни, а не текст Синодального перевода. – Ред.

¹⁵ - Rondeau M.-J. Указ. соч. Vol. 2. Roma, 1985. – Pp. 367–388.

¹⁶ - Разумеется в том числе, конечно, и подразумеваемый субъект первого лица множественного числа без явного pos. Случаи “авторского мы”, понятно, не относятся к этому ряду явлений.

¹⁷ - Данный призыв следует за периодом, в котором притча о добром самарянине также осмыслена и представлена в рамках темы восхождения, отсюда выражения “спустились” и “были ранены”. Буквально по-латыни некий человек не “шел”, а именно “спускался, нисходил” из Иерихона в Иерусалим.

¹⁸ - Точнее говоря, это выражение основано на метонимии по смежности. См. Bullinger E. W. Figures of Speech Used in the Bible. Grand Rapids. Michigan, 1968. – P. 606. Блаженный Августин действительно не понимал многих особенностей еврейского синтаксиса, фразеологии и поэтических фигур в очень буквальном, а часто и неточном переводе Италы, о чем, например, красноречиво, свидетельствует толкование стиха 5 Псалма 120; здесь аллегория строится на выражении “над рукою десницы твоей”, которое предлагает блаженному Августину его текст Псалтири вместо “над рукою десною твоею”. Примеры подобного рода

приведены у Понте (Pontet M. Указ. соч. – Р. 136, п. 13). Надо сказать, что при общем аллегорическом режиме толкования это не имеет определяющего значения, ибо автор даже из малопонятного в буквальной передаче или ошибочном переводе выражения может извлечь духовный смысл, построив на словесном материале текста соответствующую образную картину.

¹⁹ - Ср. представления блаженного Августина о “внутреннем слове”, “слове ума” (Бычков В. В. Указ. соч. – Сс. 488–489).

²⁰ - Ando С. Указ. соч. – Рр. 73–78.

²¹ - Confessiones, I, 5; X, 12.

²² - Tractatus in Epistolam Joannis ad Parthos, I, 1.

²³ - “Ибо слово видится только сердцем, а плоть видна и телесным очам”. Речь здесь, по-видимому, и о человеческом, и о Божественном слове.

²⁴ - Finaert J. L"evolution litteraire de Saint Augustin. Paris, 1939. – Р. 116.

²⁵ - В Синодальном переводе: “Извнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы”.

²⁶ - Данной традиции вообще и Августина в частности.

²⁷ - (Pax in terra) hominibus bonae voluntatis – именно таков этот текст в латинских версиях.

²⁸ - Примечательно, как объясняет блаженный Августин то, что вода холодная: оказывается, человек, подающий ее, так беден, что у него нет даже дров, чтобы подогреть воду. Это позволяет выдержать линию убывания имущественной состоятельности даятелей: Закхей – вдова – податель воды.

²⁹ - De doctrina christiana, I, 35–39. De catechizandis rudibus XXVI.

³⁰ - Bonner G. Указ. соч. – Рр. 562–563.

³¹ - Конкретная разновидность текста характеризуется в упомянутом издании толкований в серии Corpus Christianorum. Series Latina. Т. XXXVIII. Aurelii Augustini opera, Р. X, 1. Enarrationes in Psalmos i-l. (Предисловие: сс. I-XIV).

³² - Передача названий риторических терминов для обозначения разновидностей фигуры вопроса дается нами по М. Л. Гаспарову (см. Гаспаров М. Л. Античная риторика как система // Античная поэтика. М., 1991. – Сс. 42–43).

Содержание

Толкование на Псалом 125-й блаженный Аврелий Августин	1
Предисловие	2
Слово к народу	12
Примечания	24